

Наргиза Таш

16+

И развеется пеплом сердце
моё...

рассказы

Наргиза Таш

И развеется пеплом сердце моё...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39434638

SelfPub; 2018

Аннотация

В книгу включены три рассказа о любви. Где-то счастливый финал, а где-то лишь мрачное предопределение судьбы. Первая любовь, вихрь познания первой чувственности, ошибки, которые невозможно исправить, злой рок... Драма, слёзы, мистика... но в то же время, счастье познания этого высшего дара небес под названием "любовь".

Содержание

Маленькая жена	5
И развеется пеплом сердце моё	35
Конец ознакомительного фрагмента.	59

В оформлении обложки использована фотография с ресурса <https://pixabay.com/photo-1841781/> с лицензией ССО

* * * *

Маленькая жена

Это твоя тоска, мальчик мой...

Дланью Аллаха досталась тебе жена, что ненавидит тебя. В тебе она видит все свои беды, винит в своей разбитой жизни, ибо соединили вас насильно, против желания. Но, волею Небес уготовано было тебе полюбить её, хоть и смотрит она на тебя глазами маленькой волчицы, ведь ты и твои родственники отняли у неё радость детства, сделав невестой в тринадцать лет. Но никто и не спросил, что ТЫ потерял, когда Имам зачитывал суры из Книги, соединяющие в обряде Никах два ваших плачущих сердца!

После всего пережитого, боли, потерь, ошибок и ненависти, суждено было тебе полюбить свою маленькую жену, у которой при виде тебя глаза наполняются ужасом, и, застилающем душу воспоминанием насилия, совершенного над нею, не оправданного законами цивилизации, но оправданного законами Шариата. Ты лишь исполнил свой долг, жёстко и неумело..., также потеряв при этом весёлую мальчишескую беззаботность, болезненно и неловко скинув завесу некогда вожденной взрослой жизни. Тебя воротило от этой своеобразной инициализации молодого мужа, успешное прохождение которой, ознаменовалось несколькими кровавыми пятнышками на вашей простыне, выставлен-

ной на обозрение ликующих родственников.

Что остаётся тебе делать, кроме как не проявить вселенское терпение и неюношескую мудрость, что остаётся тебе, как не согреть её остывшее колючее сердечко? Сердце маленькой девочки, ставшей юной женою, но так и не осознавшее тяжесть груза несправедливой судьбы, свалившейся на неё. Что остаётся тебе делать, как не разделить с ней этот груз?

Судьба... Это слово стало печатью, отнявшей свободу радужных мечтаний и надежду каждого из вас, соединившей вас в обете, но разделившей ваши души холодной пропастью. Через неё, позже, ты проложишь мост лишь в одну сторону - мост безответной любви...

Я знаю, как велико бремя мук твоей совести, когда проходит она мимо тебя, словно пронёсшийся холодный ветер, забравший с собой все твои отроческие сны... Ты пытаешься понять и принять её лёд, желая отречься от своего чувства, но глаза твои останавливаются на её миниатюрной фигурке, что начинает меняться, превращаясь из угловатого подростка в соблазнительную юную пери. Ты немеешь при виде её бездонных глаз, её красивого лица, вдруг ставшего открытием и бедою для тебя. Её лучистые глаза, в которых застыло небо, прямой анатолийский нос манят тебя оторваться от реальности, а чувственные губы призывают прильнуть к ним, сорвав робкий поцелуй... Всего этого не замечал ты ранее, считая её маленьким писклявым воробушком, навязанным

тебе жестокой судьбой.

Ты хочешь убежать от себя, злишься и грубишь ей в ответ, но, когда чувствуешь запах её утреннего тела, длинных шёлковых волос, которые облепляют твоё лицо в порыве встречного ветра, это почти лишает тебя рассудка. Как ты любишь родной, неповторимый запах твоей юной жены, ТВОЕЙ от макушки до пальчиков на ногах, но такой далёкой от тебя, недостижимой и нетерпимо желанной.

Иногда тебе хочется овладеть ею насильно, используя своё положение законного супруга, но ты останавливаешь себя, остужая свой пыл, больше не желая делать ей больно. В то же время, ты испытываешь бесконечный страх, узнай вдруг она твою тайну... тайну твоей любви, как ночами ворочаешься ты в своей постели, думая о ней, томясь и любя её всей энергией своего молодого сильного тела...

Взаимная ненависть объединяла вас, ставя на равный уровень вашей общей беды, но возникшая любовь к этой маленькой, но сильной женщине с лицом и душой ребёнка, бросила вас по разные стороны вашего горя. Эта любовь способна превратить тебя в верного пса, что отдаст жизнь, за толику ничтожного расположения, проявленного ею.

А она, словно птица в клетке, всё ещё мечтает о свободе, мечтает продолжить жить в своих розовых детских грёзах, наполненных ароматами конфет, сладостей, весёлых школьных компаний и тинейджерских песен в музыкальном плеере. Она улетает, ведомая своими иллюзиями, но вынуждена

каждый раз возвращаться к тебе, пронизывая твою обессилившую душу стрелами ненависти и упрёка. А ты так наивно пытаешься примерить на себя роль взрослого мужчины, скрывая за напыщенной важностью и бравадой, утраченную юность со ставшими уже далёкими и призрачными мечтами о первом романтическом свидании с девушкой-соседкой.

Ты с неохотой и напускным равнодушием отпускаешь свою маленькую жену на свободу, но через пять минут, движимый страхом потерять её навсегда, бросаешься в погоню за ней, иногда настигая её и грубо возвращая, а иногда, все же упуская свою птичку из рук. И тогда ты просто ждёшь, пока Судьба не возвратит твою суженную обратно, изломанную под тяжестью обстоятельств, но никогда не сломленную.

Ты часто завидуешь её душевной силе и начинаешь ненавидеть свою привязанность к ней. Ведь ты сломался, а она продолжает бороться за то, чтобы не растерять и не предать свои мечты, которые до сих пор держат её живой на этой земле. Ты же сдался, полюбив её, приняв как свою жену, свою первую и единственную женщину, в то время как она мечтает стереть даже память о тебе. И тогда, потеряв контроль и волю, поддавшись разрушительной злобе, ты причиняешь ей боль..., видя в её разбитом лице перевернутое отражение своей любви, отвергаемой ею, любви, которую она жестоко растопчет, ни разу не пожалев, оставив тебя одного с твоим окровавленным саднящим сердцем...

Потом ты безумно жалеешь о содеянном, бесконечно про-

ся у неё прощения, и запираясь в своей комнате, снимая все маски, ты выпускаешь наружу свою натуру трогательно-го юноши, в голос, рыдая в подушку. Ты умираешь от отчаяния... Но, ты понимаешь, что ваза разбита, и пропасть, разделяющая вас, увеличилась в разы. Это понимание только усиливает твою зависимость от неё. Ты кричишь о любви к ней, затыкая себе рот и глотая слезы. Так, безмолвно проходят твои мучительные ночи, а утром, ты устремляешься к ней, движимый желанием только посмотреть в её глаза, столь любимые и родные, хоть и наполненные ненавистью и презрением.

Судьба... это слово –твоя трагедия, но и твоё спасение, ведь пройдёт время и маленькая твоя бунтарка поймёт, что определены вы друг другу судьбой. Однажды, она смирится, ибо противиться судьбе – это противиться Богу.

Это твоё открытие, мой сильный маленький зверь...

Время – твой друг, оно подыгрывает тебе, и настаёт день, когда она, под давлением родных, обречённо и покорно заходит в твою комнату, чтобы разделить с тобой одно ложе. Словно на идущая на плаху, безмолвно ложится она рядом с тобой, закрыв глаза, будто это поможет ей избежать весь ужас, носящий твоё имя. Ты, тем временем, умираешь от смущения, обещая себе не касаться её никогда против воли, но увлекаемый нетронутой красотой, околдовывающим

тебя ароматом женщины-ребёнка, ты сдаёшься... Пожирая её глазами, и выпуская наружу огонь твоей горячей в ожидании и вожделении плоти, ты приближаешься к ней, осторожно, зачарованно....

Ты сдаёшься... Ты падаешь ниц перед ней, сломив свою волю, все твои благородные порывы исчезают, сгорая в бурлящем адском слове – Желание. Воспользовавшись её обречённым согласием, ты решаешься..., но не сразу, постепенно. По наитию, ты, словно наученный каким-нибудь гуру любовных утех, шаг за шагом, приближаешься к своему раю. Слыша биение её сердца, и чувствуя её страх, ты, все же используешь свой последний шанс – шанс вернуть её себе, усыпив в ней ребёнка, но пробудив чувственность молодой женщины. Ведь время играет на твоей стороне, и твоя маленькая пленница становится старше, превращаясь из бутона в розу, подчиняясь законам умной и безжалостной природы.

Ты несмело стаскиваешь с неё платье, обнажая тело. Кровь пульсирует в твоих висках, и кажется, что голова твоя лопнет от созерцания её мраморной идеальной кожи, имеющий золотистый оттенок персика. Ты с упоением рассматриваешь её грудь, маленькую и упругую, находящуюся в процессе своего формирования. Её соски, торчащие и зрелые, цвета вишни, приковывают твой взгляд, словно два наглых магнита. Ты дотрагиваешься до них руками, осторожно, словно боясь разрушить эту нежную красоту. Ты гладишь ее грудь, чувствуя, как у тебя спирает дыхание, а в нижней

части твоего тела твердеет плоть. Ты стараешься контролировать своё пробудившееся тело, но соки молодости не поддаются тебе, ты ощущаешь, как вместе с горящей плотью, в недрах груди просыпается восторг... Твоя юная мучительница продолжает лежать безмолвно, только вздымающаяся грудь выдаёт её волнение и страх. Она отворачивает лицо, и ты не видишь слёз, стекающих по её щекам.

Ты дотрагиваешься до её груди губами, поочерёдно целуя их нежно, но все более интенсивно. Не будучи уже способным остановить себя, ты захватываешь ртом её соски, посасывая их, и играя с ними языком, ощущая на вкус их вишнёвую сладость. Ты замечаешь, как они твердеют и становятся больше. И ты понимаешь, что против её желания, тело жены реагирует на твои ласки. Это придаёт тебе смелости, и ты продолжаешь открывать свой вожденный рай... Ты покрываешь поцелуями её тело – грудь, живот, а затем, поднимаешься наверх к трепетной шее, также торопливо осыпая её поцелуями. На время ты зарываешься в её волосы, отдыхаешь опьянённый их запахом. Немного бесцеремонно ты поворачиваешь её лицо к себе, словно слепой щенок ищешь её рот, чтобы воплотить наконец твои грёзы дотронуться до него губами. Она поддается... Уже разогретый страстью, ты не замечаешь её слез, а только пробиваешься языком внутрь её тёплых уст. Нащупывая ровные ряды белых зубов, ты дотрагиваешься до языка..., пробираясь всё глубже и глубже. Ты обсасываешь её губы, нежные и мягкие, словно стараясь

выпить всю их влагу. Ты никак не хочешь и не можешь оторваться от них, пока она сама не отталкивает тебя, жалуясь, что ей трудно дышать.

Реакция твоей жены распалает тебя ещё больше – ты блуждаешь руками по её телу, торопливо снимая с неё последнюю одежду. Ты уже не можешь терпеть, раздвигаешь ей ноги и входишь в неё... Её тело напрягается и оседает, а ты, тем временем, начинаешь двигаться, пока ещё не сильно, медленно. Ты стараешься сдерживать учащающее дыхание, ты не веришь этому моменту... Ты чувствуешь зарождающуюся тёплую волну, исходящую из той самой точки твоего живота, чувствуешь этот приближающийся ураган сладких волнительных ощущений. Стремление усилить долгожданные вибрации, заставляет тебя двигаться все быстрее, меняя ритм, увеличивая амплитуду своих движений. Ты движешься внутрь неё всё резче, проникая глубже. Поглощённый своими чувствами, ты не замечаешь всхлипывания жены, задыхающейся под твоим жарким телом.

Придя в себя на мгновение, и дав ей вздохнуть, ты, однако, не планируешь останавливаться. Ты сгибаешь её колени, шире раздвигая бёдра. Обхватив ладонями её ягодицы, ты прижимаешься к ней, продолжая рваться в неё. Ты опять льнёшь к ней в поцелуе, не отпускаешь её губы, засунув язык в глубину её уст, словно устремляясь в неё со всех фронтов, не желая ни на секунду ослабить свою хватку. Ты не видишь утомление своей жены, глаза которой просят тебя

остановиться. Это ты умираешь и рождаешься сейчас одновременно, но она лишь терпит, испытывая ещё большее омерзение. Но ты неспособен думать... Ещё момент, и вихрь сладостных чувств унесёт тебя на самую вершину удовольствия. Ты предвкушаешь этот миг, приближая его необузданностью телодвижений, ты не слышишь, замирающий голос своей плачущей девочки-жены, умоляющей тебя прекратить. Наконец, достигнув этой точки невозврата сильнейшего наслаждения, ты падаешь, и из разрывающейся груди твоей вырывается стон... Обессиленный, ты лежишь на своей спутнице, тяжело дыша ей в ухо, стараясь как можно больше времени удержать пульсирующую негу, охватившую все твоё тело и чуть ли не лишившую тебя сознания.

Спустя минуту, ты приподнимаешь голову и смотришь на свою жену, дыхание которой начинает успокаиваться. Ты замечаешь слезы в её глазах... Она отводит взгляд, и ты виновато сползаешь с неё, пробубнив тривиальное «Прости». Ты сдерживаешь своё желание поцеловать её руку в благодарность за подаренный рай, и просто смотришь, как она, сомкнув и поджав ноги, устало отворачивается от тебя, от твоего лица, от твоего сумасшествия по ней. Вслед упоительному восторгу свершившегося акта сближения, как ты надеялся, ты чувствуешь, что боль пронизывает твою душу, ибо с этой минуты ты осознаешь, что больше не сможешь жить без неё...

Ты засыпаешь, незаметно притронувшись рукой к её див-

ным волосам, раскиданным по подушке, словно, боясь разорвать странную связь, возникшую между вами с этого момента.

Утром, пробуждаясь, ты протягиваешь руку, желая убедиться, что это был не сон, но рука твоя нащупывает лишь холод пустой постели. Ты мчишься прочь из комнаты, терзая себя страхом, что твоя птичка выпорхнула из клетки, при этой мысли тело твоё покрывается холодной испариной. Но, вздох облегчения – ты застаёшь жену, хлопчущей на кухне за приготовлением завтрака для твоей огромной семьи. Она отводит взгляд, в её глазах ты видишь холодное безучастие обречённости. Она равнодушно обслуживает тебя, словно и не было той сумасшедшей ночи, словно и не были вы так близки, словно не видела она твоего подчинения ей... Ты хочешь погладить её руку, но она возвращает тебя в реальность, сверкнув взглядом и резко одёрнув свою маленькую ладошку, будто притронулась она к чему-то неприятному... Опять оставила она тебе боль и угрызения совести.

Это твои надежды, мой юный лев...

Днями, выполняя свой долг перед родными, ты проводишь время на семейной фирме, но каждый раз, улучшив момент, ты срываешься домой, чтобы быть рядом с той, которой заполнены все твои мысли, вся твоя жизнь. Бедная твоя маленькая жена проживает день, помогая обслуживать

огромный особняк, ставший вашей общей тюрьмой. Ты пытаешься приблизиться к ней и облегчить её участь, предлагая совместные прогулки или чтение книг, но она жестоко осаживает тебя, вынося приговор, что, забрав её тело, ты никогда не сможешь забрать её душу и сердце. Поверженному, тебе лишь остаётся исподтишка наблюдать за ней, за её фигуркой, порхающей мимо туда-сюда, в водовороте домашних дел.

В часы затишья, ты тихо подкрадываешься к ней со спины, когда она отдыхает, читая любимые книги. Ты не в силах оторвать взгляд от её тонкой шейки, от пушка светлых волос у основания головы, от её золотистых длинных кос. Ты так любишь наблюдать за ней, когда она погружается в чтение, надкусывая какой-нибудь фрукт и мило опустив головку набок. В такие моменты тебе кажется, что она бывает счастлива. Ты начинаешь грезить, как подойдя к ней сзади, ты целуешь её шею и подняв на руки, уволакиваешь вашу комнату, чтобы получить очередную дозу насыщения наркотиком, названным в её честь...

Ты обладаешь ею почти каждую ночь, а иногда и по утрам, не зная усталости и пресыщения, открывая для себя новые вершины наслаждения её телом, набираясь опыта любви, что превращает тебя из незрелого юноши в искущённого мужчину. В такие жаркие моменты, тебе хочется познать все тайны, скрытые в твоей маленькой жене, исследовать все уголки её прелестного тела. В прелюдии ласк, ты опускаешься

вниз, целуя её стройные маленькие ножки, сначала одну, затем другую. Ты осыпаешь поцелуями бёдра, их внутреннюю часть, все ближе подбираясь к заветному месту, но она одёргивает тебя, называя извращенцем и богохульником. Ты улыбаешься, но уважаешь её желание, компенсируя этот запрет долгими и утомительными поцелуями в губы.

Однажды ты с восторгом замечаешь, что усилия твои не прошли даром. По-прежнему холодная и жестокая днём, жена твоя с наступлением ночи даёт тебе малую часть надежды на взаимность. В моменты соития с ней, ты обнаруживаешь, как тихо-тихо, её тело начинает извиваться под тобой, но не в порыве вырваться... Её полуоткрытый рот, уже высохшие от слез закрытые глаза с дрожащими длинными ресницами выдают, то что знакомится она с новыми для неё ощущениями тела и это ей больше не противно. В минуты апогея, постанывая, она неосознанно обхватывает руками твою спину и согнутыми ногами прижимается к твоим бёдрам, ритмично приподнимая нижнюю часть тела в такт твоим движениям, словно желая усилить эти странные и незнакомые, но захватывающие чувства, потихоньку овладевающие ею. Ты счастлив, ты ощущаешь себя победителем, ты видишь, что природа взяла вверх над упорным желанием твоей жены остаться в безбедном, не отягощённом плотским грехом, отрочестве.

Не без удовлетворения, ты отмечаешь для себя, что то, чего она так боялась и ненавидела, в итоге, стало отправной

точкой вашего сближения. А может быть, она просто приняла необратимость судьбы... Она все ещё отводит глаза, когда ты пытаешься проявить своё внимание к ней, но лишь отводит, больше не изрыгая из себя потоки обидных горьких слов, причиняющих тебе боль... Она терпеливо сносит смешки твоих старших братьев, когда, хлопоча по дому, случайно роняет покрывающий её платок, – он спадает, обнажая миру багровые отметины твоей любви на её шее.

Это твои мечты, мой молодой барс...

Твоя бесконечная неутолимость своей юной женой, однажды, приводит к весьма предсказуемому результату. Её утренние недомогания, тошнота и обмороки, стали предметом радостных подозрений твоих родных, а подтверждение врача о беременности, вызвало шквал восторга у обитателей всего особняка. Аксакалы семьи устроили настоящий праздник по поводу важной новости, предвещающей миру о скором рождении ещё одного носителя вашей славной фамилии. Посреди всеобщей суматохи, накрытых, ломящихся от еды столов, шариков и цветов, приглашённых музыкантов, скворчащих котлов с едой, предназначенной для раздачи всем соседям и обездоленным, голов зарезанных баранов, выстроенных в ряд вдоль гранитного забора особняка, ты видишь своё маленькое чудо, растерянно принимающее поздравления от многочисленных родственников и зна-

комых. С распущенными завитыми волосами, одетая в нарядное платье и лакированные балетки, обвешанная с ног до головы золотом, подаренным по случаю такого важного события, она стоит, глотая слезы. Невероятно красивая, похожая на грустную куклу, она явилась развлечением для толпы тёмных мракобесов.

Ты же, стараешься быть незаметным в свете Её дня. Смущённо опустив голову, ты тоже принимаешь поздравления и дружеские похлопывания по плечу от твоих друзей и старших мужчин. Известие о скором отцовстве не то, чтобы не радуется тебя, скорее вводит в ступор от мысли – каково это иметь собственного ребёнка в твои неполные двадцать один...

Вечером, когда стихает шумное празднество, войдя в комнату, ты застаёшь жену, плачущей на кровати. Игнорируя твои расспросы, она, вдруг накидывается на тебя, награждая твоё лицо царапинами и пощёчинами. Она вновь кричит о своей разрушенной юности, окончательно испорченной тобой. Она ставит тебе в вину твои бесконечные любовные притязания к ней, твою ежедневную ненасытность и одержимость ею. Она грозит карой небесной, что постигнет вас всех за её украденную жизнь.

Онемевший и ошарашенный, ты смотришь на неё, не зная, что и думать. Ты вдруг понимаешь, что, казалось бы, налаживающаяся жизнь с ней, это всего лишь иллюзия, созданная твоими мечтами. Никогда не полюбит она тебя, нико-

гда не простит. Даже, будучи с тобой каждый день, она все ещё мечтала освободиться из этого ада. Но, маленький кусок мяса, живой и уже растущий в её лоне, поставил крест на всех надеждах. В истерике, она произносит ужасные слова проклятия вашим традициям и роду, клянётся в ненависти к этому ребёнку, для которого она никогда не станет матерью. Понуро, ты сморишь, как её тело сотрясают рыдания.

Неужели, слоило переживать все эти коловращения вашей жизни, веря в лучший шанс, чтобы опять вернуться к исходной точке взаимной ненависти? Ты приносишь ей стакан воды и успокоительные духи. Молча, ты растираешь её руки и щеки. Она перестаёт противиться твоему сочувствию, лишь крупные слезы стекают по её щекам. Ты говоришь ей о своей любви, впервые... Она поднимает на тебя воспалённые глаза и долго смотрит, словно не поняв смысл сказанных тобою слов. Преодолев робость перед ней, ты садишься рядом, обнимаешь её за плечи, предлагая вместе покинуть этот мир, ибо без неё тебе не будет уже жизни...

В эту ночь, вы спите одетыми. Ты гладишь свою жену по голове, держишь её руку у себя на груди. Ты знаешь, что не приняла она тебя, лишь устала сопротивляться. Вдруг, повернувшись, она придвигается совсем близко, почти касаясь тебя. В безмолвии ночной тишины ты слышишь её шёпот: «Что же мы наделали с нашей жизнью? Что же с нами сделали?!»

Она сказала «Мы...» – эти две буквы приобретают для тебя особый смысл, становятся символом преодоления ещё одного этапа. Сбросив тяжёлую ношу горестных подозрений, ты осознаешь, что юная твоя жена уже навсегда будет принадлежать только тебе...

* * * *

Дни проходят за днями, и кажется, что твоя маленькая жена приняла ещё один удар судьбы, а может не удар вовсе, а подарок... Женщины вашего дома стали проявлять к ней повышенное внимание, освободив от домашней работы. Теперь в её обязанности входит только ухаживать за тобой – её супругом и делать все, чтобы плод, развивающийся в её чреве, рос без единой проблемы. Жена твоя приняла и то, что все родственники рассматривают её как сосуд по вынашиванию бесценного отпрыска их благородной династии. В окружении квохчущих женщин, предлагающих ей отведать бесконечной разнообразной еды, навязанных книг о материнстве, стопок новой детской одежды, проводит свои дни твоя юная суженная, безразлично и безрадостно принимая все эти знаки фальшивой заботы.

Почти лишённый общения с ней днём, ты терпеливо ожидаешь наступающей ночи, чтобы «смыть» снеё лживый пафос её нового положения в доме, зажечь в ней искру веры в неподдельную любовь и будущее, несмотря ни на что, вопреки всей тяжести жизни взрослой женщины, упавшей на её отроческие плечи. Ты надеешься, что её пробудившаяся

чувственность, укрепляющаяся и возрастающая в ней раз от раза, открывает вам обоим совсем не призрачные перспективы устремить свои мечты и желания в одном направлении.

Ты чувствуешь, как становится ей близким твой запах, ты знаешь, как привыкает обладать она твоим телом, получая от него наслаждение, ты веришь, что настанет день, и она также будет нуждаться в тебе, в твоих ласках и любви, просто в твоём присутствии рядом с нею.

Ты с интересом наблюдаешь метаморфозы, происходящие с телом твоей жены. Тебе нравится её увеличившаяся грудь, что стала ещё соблазнительнее, тебя умиляют округлые формы её меняющейся тяжелеющей фигурки. Ты замечаешь, что поменялся и её запах, он приобрёл новые оттенки, отдалённо напоминающие сладко-молочный запах младенца.

Её уже не плоский животик, наталкивает тебя на мысль о новых вариациях удовлетворения вашей жажды насытиться друг другом. И соединяясь с ней, сначала распалив её до предела, зацеловав чувствительную грудь – индикатор её возбуждения, а также, засунув руку в промежность, усиливая своими пальцами степень её вожделения тобой, ловя момент, ты резко водружаешь свою юную любовницу на себя верхом. Разгорячённая плоть усыпляет в ней чувство смущения, увлекаемая инстинктом, она сама находит своё правильное положение на тебе. К твоему восторгу и удивлению, она смело и уверенно начинает двигаться, ей нравится этот

самостоятельный контроль интенсивности своих ощущений, самостоятельный выбор ритма и глубины твоих страстных проникновений в неё.

Она двигается на тебе, запрокинув голову назад, похожая на амазонку-наездницу. Она не может больше сдерживать звуков, что издают её уста в процессе познания твоего тела. Ты смотришь на неё зачарованно, предчувствуя надвигающуюся волну. Ты желаешь в самом прямом смысле слиться с ней воедино – взяв её за бёдра руками, ты усиливаешь частоту и размах движений, затем, ненасытный ею, ты приподнимаешься и садишься. Ты смыкаешь руки на её спине, прижав к себе. Она льнёт к тебе, обхватив тебя ногами. Её двигающаяся вверх-вниз грудь с торчащими возбуждёнными сосками, задевает твоё тело, усиливая импульсивность ощущений вашего единения. Ты касаешься ртом её губ, чувствуя разгорячённое дыхание, опаляющее твоё лицо. Она сама проявляет инициативу, – не ослабевая своих движений, она прижимается к твоему рту, почти нахально и агрессивно проникая внутрь, ищет твой язык и найдя, захватывает. Она, словно желает взять чувственный реванш за все обиды и боль, причинённые ей. Она обнимает твою шею, ещё более усиливая свои порывы, двигаясь все интенсивнее, и вдруг, отрывается от тебя, толкает обратно на ложе. Положив свои маленькие ручки на твою грудь, она нагибается, доставая до твоей шеи, прильнув ней, кусая ее, продолжает неистово двигать бёдрами. Чуть ли ни убитый ею, ты уже чувствуешь приближение

кульминации ваших совместных сладострастных усилий, ты хочешь почувствовать этот миг вместе с ней секунда в секунду. Осязав вибрации её тела, ты ловишь с нею это, затуманивающее разум, состояние, продлевая его вожделенную сладость. Ты замираешь, умерев и воскреснув, а она бессильно опускается тебе на грудь и затихает... Ты слышишь биение её сердца.

Минуту спустя, в порыве нежных эмоций, ты целуешь жену в макушку, вдыхая запах её волос. Ты запускаешь руку в её волосы, массируя и гладя голову.

Ты чётко осознаешь, что тебе недостаточно быть просто хозяином её тела, ты нуждаешься в чем-то большем. Ты знаешь, что её способность любить исчезла в момент выдачи книжечки вашего брачного свидетельства подкупленным представителем власти. Но все равно, ты робко спрашиваешь жену, смогла бы она когда-нибудь полюбить тебя, разделив с тобой все свои душевные тайны. Немного помолчав, она отвечает сиплым голосом: «Я приняла тебя как мужа, перестав ненавидеть. Я принадлежу тебе и ношу твоего ребёнка. Но я не знаю, что такое любовь, не требуй от меня слишком много».

Лунный свет, пронизывающий тёмную комнату обличает слезы, стекающие по твоим щекам...

Это твоё счастье, мой черноглазый красавец...

Черно-белая фотография из клиники с определением медиков о том, что будет рождён мальчик, явилась ещё одним поводом для празднования в вашей семье. Ты сам был приятно удивлён, что все складывается, согласно какому-то высшему предписанию небес. Статус твоей юной жены поднялся намного выше, чем у остальных невесток в этом доме. Но этот факт её совсем не трогает, она лишь радуется, что её оставили в покое, начав проявлять хоть какое-то уважение. Она была совершенно равнодушна к своему сыну, росшему, как на дрожжах в животе. Это повергало твоих родственников в раздражительное беспокойство. Им невдомёк, что и ты горестно переживаешь её неспособность полюбить тебя, так как же возможно заставить её полюбить твоего ребёнка?

Несмотря на эти маленькие разногласия, в целом, ваша жизнь приобрела спокойный размеренный ритм. По-прежнему, сбегая с работы пораньше, ты делаешь все, чтобы больше времени проводить с женой. Ты видишь, что взгляд её стал заметно мягче, теперь она садится всегда рядом с тобой на мероприятиях, обедах. Посещает с тобой длинную череду твоих родственников по их домам, на свадьбах, похоронах, родах и так далее, всегда покорно давая согласие сопровождать тебя. Ты лишь мечтаешь, что придёт день, когда она возьмёт тебя под руку, подтверждая своё положение жены, или расслабившись, при всех, прильнёт к тебе, положив голову на твоё плечо.

Но ты не жалуешься... Днями, вы вместе отдыхаете в ва-

шей комнате, словно забыв об обидах и распри, стараясь вычеркнуть их из памяти. Вместе вы читаете много книг, разных, от детективов до любовных романов, а затем, увлечённо обсуждаете героев. Вы даже спорите и совсем по-детски ссоритесь, если ваше мнение по какому-то поводу кардинально расходится. Она проявила особый интерес к «Лолите» Набокова, просила тебя по нескольку раз зачитывать вслух отдельные главы и места, тихо слушая твой голос и задумчиво уставившись в потолок. Тебе кажется, что она сравнивает себя с героиней книги – девочкой, по имени Долорес Гейтс, думая об их странных переплетениях судеб, о необратимых и тяжёлых жизненных обстоятельствах, похитивших их светлое безбедное детство.

Устав читать, вы, уткнувшись в планшет, ковыряетесь в интернете, мечтая, что неплохо было бы съездить развеяться в другие страны, купить гаджеты последних марок, посетить те или иные концерты, и прочее. Слово забыв обстоятельства, соединившие вас, вы с упоением перечисляете весь набор интересов обычной молодёжи – ваших сверстников. Затем вспомнив, вы молча лежите на кровати, задумавшись каждый о своём.

Ваши ночи становятся все более спокойными по мере увеличения её живота. Ты просто спишь с ней рядом, нежно обхватив рукой. Но, иногда видя твоё томление по ней, да и сама, скупающая по твоему телу, она позволяет тебе нару-

шить правило, и тогда, придвинувшись к ней со спины, ты деликатно входишь в неё, осторожно, не желая навредить ей и ребёнку. Двигаясь в ней мягко, ты гладишь её груди, чуть массируя их, целуешь мочки ушей, ароматные щёчки... Ты умираешь, но сдерживаешь свою страсть... Она же, отвечает тебе, запрокинув руку назад, глядя и теребя твои волосы.

Её возросшую степень доверия ты осознал в тот день, когда почувствовав боли в позвоночнике, ринулась твоя жена к тебе, не обратившись ни к кому, ни к старшим женщинам, что бдели, буквально, каждый её шаг, ни к мужчинам, что могли ей помочь и отвезти в клинику. Она стремглав побежала к тебе, ища защиты, с круглыми глазами от страха и возрастающей боли внутри живота. Она взволнованно оповестила тебя, что, кажется, уже началось и заплакала, совсем как маленький ребёнок. Ты испытываешь умиление и вселенскую нежность к своему пузатому чуду, так доверчиво прильнувшему к тебе. Ещё не подросток, твоя жена еле достаёт тебе до плеч и ты, буквально, нависаешь над ней, обнимая её, успокаивая, что все будет хорошо. Ты желаешь защитить её от всех, в том числе, и от себя самого.

Тяжело описывать весь ужас твоих дальнейших часов, когда провёл ты больше суток в больнице, дежуря и смертельно боясь даже думать о том, что может случиться. Паники добавляют и строгие врачи, что официально предупредили всю делегацию болеющих родственников, что нет никакой гарантии в утешительных последствиях родов в таком ран-

нем возрасте, ссылаясь на статистику по региону.

Чувствуя, как холодеют твои ладони, ты бегаешь за медиками, умоляя их сделать все возможное, но только вытащить твою жену ЖИВОЙ из этого жернова, в который она попала и по твоей вине тоже.

Ты клянёшься себе собственноручно убить этого бедового младенца, если по его вине случится что-нибудь страшное. Здесь, сидя в тишине больничных палат, ты осознаешь во всей полноте, насколько дорога тебе твоя маленькая жена, насколько привязан к ней ты телесно и духовно, насколько сильно ты любишь её.

Но Аллах великодушен к тебе и ней, – ваш родившийся ребёнок, ваш сын, громким плачем возвещает миру о своём приходе.

Ты рвёшься к ней в палату, желая увидеть больше её, нежели ребёнка. Ты ещё не осознал события, что оставит далеко позади безоблачность твоих юных лет, наградив тебя пожизненным бременем взрослого мужчины. Ты проби- ваешься к ней, сквозь толпу твоих воркующих и ликующих родственников. Она не смотрит ни тебя, ни на ребёнка. Потеряна и раздавлена тяжёлыми родами, она даже думать не хочет о том, чтобы прижать к себе существо, доставившее ей столько мучений.

Ты растерянно выходишь из палаты, забыв оставить любимой большой букет цветов. Ты чувствуешь, как чья-то силь- ная рука берет тебя за грудки и толкает в соседний каби-

нет. Ты поднимаешь глаза и видишь разъярённое лицо врача, здорового мужика средних лет. Еле сдерживая гнев, он обзывает тебя маленьким похотливым животным, любящим насиловать несовершеннолетних девочек, он рассказывает о своей дочери, ровеснице твоей жены, и угрожает, готовый при случае разорвать тебя на мелкие части. Он предупреждает тебя, «безмозглого амбала», сдерживать свои извращённые порывы и не приближаться к жене хотя бы месяц. Так, опущенного и униженного, он выталкивает тебя обратно в шумный людный коридор.

Ты возвращаешься домой, не желающий никого видеть. В твоих ушах застыли те обличительные слова, которые ты сам себе не решался сказать. В твоих глазах созрели слезы, готовые разразиться в обильный печальный поток, в твоей голове пульсирует одно: «Я не насильник, я не животное...»

Тебе вспомнился день вашего бракосочетания, когда ты был на грани самоубийства из-за тотальной несправедливости судьбы, ты безудержно ревел, не желая становиться разменной монетой чьего-то греха, ты не хотел быть жертвой, обеляющей трепетно-оберегаемую честь вашего древнего рода, да будет он проклят!

Ты падаешь на кровать и плачешь от обиды. Вдруг, зарывшись в подушку, ты осязаешь этот узнаваемый из всех запахов, самый лучший и любимый запах твоей жены. Мысли и воспоминания путаются в твоей голове. Утомлённый, ты забываешься во сне. Впадая в тяжёлую дрему, ты понимаешь,

что скучаешь по ней.

Вот и отгремели очередные торжества, сотрясавшие ваш особняк в честь рождения твоего сына. Вопреки тревожным ожиданиям родственников, юная твоя супружница стала фанатичной матерью. Сама от себя не ожидая, полюбила и привязалась она к этому ребёнку, увидев в нем радость и надежду. Иногда тебе кажется, что она приобрела долгожданную любимую игрушку, ставшую столь бесценной для неё, что отдала бы она жизнь за этот маленький вечно голодный и вечно плачущий комочек мяса. В отличии от неё, инстинкт отцовства не спешит развиваться в тебе, ты испытываешь к ребёнку лишь жалость и определённый интерес. А ещё, ты видишь в нем существенную часть твоей жены, этого достаточно для тебя, чтобы принять и полюбить его.

Унизительные слова, произнесённые врачом, открыли для тебя настоящую реальность, разрывающую с иллюзорным миром высокой и чистой любви, придуманным тобой. Ты осознал, что люди, находящиеся и живущие за пределами твоего мира, особняка – рассадника мракобесных традиций и обычаев, – все адекватные люди думают также, как и тот врач. Для них ты и твоя семья – это позор средневековья, адская мельница, перемоловшая жизнь маленькой девочки. Это осознание раздавило тебя, дезориентировав в будущем. Ты не знаешь, как жить дальше.

Ты все также сильно любишь свою жену, все также нуж-

даешься в ней, но что-то оборвалось внутри... Ты не сказал ей о разговоре с врачом, боясь, что это всколыхнёт в ней отзвуки прошлой ненависти и обиды. Когда она вернулась домой, ты лишь дотронулся губами до её руки, поблагодарив за подаренного сына.

Вы спите также в одной комнате, но она поглощена всецело своим ребёнком. Она проводит с ним все свои часы, и днём, и ночью, не доверяя даже твоей матери. Тебе умирительно наблюдать за ребёнком, убаюкивающим другого ребёнка. Ты с нежностью смотришь, как она кормит его грудью и тебе вспоминаются картины давно ушедших художников, изображавших юных матерей с младенцами. Они назывались Мадоннами, кажется... Мадоннами эпохи Возрождения, странного, но привлекающего другого мира, под названием Европа.

Она находится рядом, но тебе кажется, что она стала ещё более далёкой, чем раньше. Ты с болью думаешь, что на этот раз, ваш мост будет сожжён тобой. Ты нежно целуешь её в щеку, а затем, отворачиваешься и делаешь вид, что засыпаешь. Ты замечаешь в глазах жены некое недоумение, но не смеешь взглянуть на неё, боясь распознать в ней боль отнятой тобою жизни.

Днями, ты стараешься больше времени проводить на работе, отвлекая себя от грустных мыслей. Ты видишь, как долго и внимательно смотрит на тебя жена, желая понять причину перемен, происходящих с тобой. Ты замечаешь, как пы-

тается она привлечь твоё внимание разными разговорами и расспросами, но ты лишь виновато улыбаешься, уверяя её, что все в порядке. Ты читаешь в её глазах вопрос: «Ты разлюбил меня?» Тебе хочется закричать, что нет, что любишь ты её также сильно и безудержно, но ты устал бороться... бороться за своё право быть счастливым.

Уложив ребёнка и убедившись, что сын крепко спит, она тихо ложится рядом. Ты слышишь её дыхание, чувствуешь каждое её движение. Ты стараешься уговорить предательский трепет, что рождается внутри тебя. Ты ощущаешь за тылком её взгляд на себе. Она придвигается и дотрагивается до тебя рукой.словно электрический ток проходит по твоему телу, так велика сила её прикосновения. Ты оборачиваешься и долго смотришь в её глаза, не смея шевельнуться. «Ты нужен мне», – шепчут её губы, – «ты мой единственный друг здесь, не бросай меня!»

Она осторожно приподнимает твою одежду, целует в грудь. Вы словно, поменялись ролями, – теперь она ищет наслаждение в твоём теле. Она берет в рот твои соски, тербит их губами и языком. Ты чувствуешь жар, что пробуждается внутри тебя. Твоё дыхание меняется, когда ты гладишь рукой её голову, играя с волосами. Она помогает тебе раздеться, садится верхом, покрывает поцелуями твою шею, лицо, глаза... Она приближается у твоих губ, льнёт к ним, целует тебя крепко... долго...

Ты больше не можешь сопротивляться, отвечая ей на поцелуй, ты обхватываешь её руками и бросаешь на постель. Тебе хочется сейчас быть над ней... Ты продолжаешь жадно целовать её, освобождая от одежды. Ты уже не можешь думать, сколько времени прошло с момента наложения запрета на тело твоей жены— месяц или два, ты просто остервенело проникаешь в неё, соединяясь с ней в погоне за наслаждением. Ты слышишь её жаркий шёпот: «Я скучала... Я люблю тебя... Ты выиграл...» и чуть ли не теряешь сознание.

Она держит тебя за шею, обхватив ногами твою спину. Ты закрываешь рукой её рот, чтобы никто не услышал слишком громких проявлений любви. Она сгибает колени, поднимая их почти до уровня груди, желая чувствовать тебя как можно сильнее. Маленькая женщина, поддавшаяся зову природы, познавшая её тайны, не успевшая запятнать её первозданную чистоту. В этом порыве вы оба приближаете момент X, а достигнув его, замираете, словно, родившись заново, не желаете оторваться друг от друга.

Ты чувствуешь, как некая сладковатая и тёплая жидкость стекает по её телу. Поняв, что это, ты впиваешься в набухшие груди, и познаешь этот чудный сок, производимый её организмом. Ты, словно, очищаешь себя от прошлого, соединившись с женой и вашим ребёнком на каком-то нематериальном уровне, оставляя только эту реальность, где Она и ваш маленький сын — стали отныне твоей вселенной.

Обнажённая, безумно красивая, похожая на сказочную русалку, вскакивает твоя жена на плач сына. Она кормит младенца, а ты жалеешь, что не родился художником, дабы запечатлеть на века эту извечную неподдельную красоту человеческого бытия. Затем, она кладёт засыпающего сына между вами и ложится напротив. Так, молча, без лишних слов, вы смотрите друг на друга улыбаясь, до того момента, пока сон не сомкнёт ваши веки.

В этот момент вы оба познаете истину первородной любви, открывшуюся вам всеми своими гранями, доступную далеко не каждому. Только сейчас вы понимаете силу Предопределения. Только сейчас вы осознаете, что сплелись в цельный монолит, который не разрушат ни средневековые постулаты семьи, ни пафосная правдивость поборников морали и цивилизованных клише.

Вы, двое юных существ, сумевших преодолеть боль, обиды и беды, в своей любви вы парите над этой шелухой различных табу, навязанных вам со всех сторон человеческого общества. Вы отрекаетесь от выдуманных категорий правильного и аморального, имеющих весьма условное значение и трактовку, и работающих в угоду их идеологов. Вы просто любите и счастливы... Вы столь чисты и наивны по-детски, что даже ненависть – неизменный атрибут души взрослого человека, не смогла удержаться в вас, уступив место бесконечной вере в лучшее, в новый рассвет – предвест-

ник светлой надежды.

Несмотря ни на что, взявшись за руку, ступаете вы в зарождающуюся зарю следующего дня, уверенные в себе, обладающие силой красоты, молодости и горячих сердец, не затронутых пороком. Вы упиваетесь этим выстраданным и взлелеянным счастьем, что приобрело для вас высший смысл его познания и несоизмеримую ценность, усомниться в которых не решится уже никто.

* * * *

И развеется пеплом сердце моё

Часть

I

1

Он сидел у себя на кухне. Одетый в старую майку и протёртые штаны «Адидас», он больше походил на обитателя московского пригорода, чем на человека, живущего в центре Европы. Перед ним, на столе стояла початая бутылка водки и банка с маринованными опятами, присланными матерью из России. Он пил водку и заедал грибами, даже не выложив их на тарелку. Он слышал голос жены в соседней комнате. Она сюсюкалась с младенцем, меняя ребёнку очередной памперс.

Он сидел, уставившись в никуда. За окном бушевал предгрождественский снегопад, укутывая в мягкое, белое, ворсистое одеяло один из самых красивых городов Европы – величественную Вену.

Но Вена, в которой Гришка Шахов проживал последние шесть лет, давно уже перестала волновать его. Она так и осталась ему «мачехой» – холодной, чопорной, бездушной.

Гриша сидел за столом в пьяном ступоре. Его мысли были где-то далеко. Они летали в Москве – городе амбиций и огней, в городе, который не жалел никого, ломал и мял под себя. Но, столько людей манит этот северный мегаполис, и

всякий прибывший туда, влюбляется в него безответно, или взаимно. Это уже кому как повезёт...

И ещё, в этом городе обитала она... Она, чей образ украшал обложку глянцевого журнала, который Григорий сжимал в ладонях.

Она. Чайана. Её имя звучало, как таинственная древнеславянская молитва, в ней все было волшебным и мистично, и имя выражало её удивительную сущность, судьбу, предписанную небесными тайными учителями. Чайана Шеманка. Так её звали. Странное имя, о неправдоподобии, нерусскости которого, Гриша стал задумываться лишь недавно. Говорят, её венах течёт турецкая, болгарская и украинская кровь, а, по словам её матери, Валентины Шеманки, род их происходит от древних варяжских викингов.

Плач ребёнка вывел Гришу из оцепенения. Он пришёл в себя и ещё раз взглянул на фото Чайаны на обложке. Его сердце заныло в щемящей боли, которую не смогла утолить водка. Он знал, что любил эту женщину. Любил отчаянно. Но, между ними лежала огромная пропасть. Она была недостижима для него, словно богиня. Одним словом, Звезда.

Чаяне шёл двадцать второй год. Она была молода, талантлива и невозможно красива. Востребованная актриса с большими перспективами, она похитила сердца мужчин России, а также, её ближнего и дальнего зарубежья. А двадцатидевятилетний Гришка с уже заметными залысинами на висках, был обычным водителем такси в Вене. За шесть лет, он

неплохо освоил немецкий, и это стало его наивысшим достижением. А ещё Гриша был женат на Злате – большой любви своей юности. У них было двое детей, маленькая, но своя квартира в спальном районе Вены, и обычная жизнь русских эмигрантов в Австрии.

Но все это, Гриша променял бы за один миг пребывания наедине с Чайной. Всего лишь один миг, стоящий всей жизни...

Из соседней комнаты с ребёнком на руках вышла усталая Злата.

– Что? Опять пустился в воспоминания? – произнеся это, она всучила младенца отцу. – Забудь уже эту... звезду!

Григорий равнодушно посмотрел на жену. Ему не хотелось пререкаться с ней. Он поцеловал дочку и отдал её обратно матери.

– Ревновать к фотографии глупо, Злата..., – сказал он и направился в ванную комнату.

Ванная – была единственным местом, куда он мог спрятаться в этой квартире и остаться наедине со своими мыслями. Гриша погрузился в тёплую воду и закрыл глаза. «Чаяна...» – вертелось у него в голове, «Чаяна... Чайана... Чайана...» – он шёпотом повторял её имя. Он не мог вспомнить, когда именно началась его страсть к ней, – то ли год назад, то ли два... «Ну почему, почему ты так бесстыдно красива, Чайана??? И что теперь мне делать? Что мне делать с тобой и

с собой?» Думая об этом, он лежал, погруженный в воду по самый нос. У него промелькнула мысль, что хорошо бы так и не высовывать свою голову из воды и тихо умереть, перестав дышать.

Но потом, ему стало не по себе от собственных желаний.

– Ты же мужик... А ну, соберись, Шахов! – вслух сказал он себе и резко вылез из ванной. Послышался стук в дверь и ворчание Златы.

– Что ты делаешь там так долго? Послушай, Гриша, нам тоже нужна ванна! Мы не хотим страдать из-за твоих любовных фантазий о кинозвездах, ты слышишь?

Он открыл дверь и внимательно посмотрел на жену. Несколько лет назад он безумно любил её. Он был молод и наивен, она казалась ему Мадонной, Мона Лизой, Деметрой и Марлен Дитрих в одном флаконе, идеалом женщины. Её таинственность манила его.

Злата выросла в Вене, она была австриячкой во всем – она одевалась, как они, вела себя, как они, говорила с лёгким немецким акцентом, который заводил Григория похлеще любого афродизиака. Она была так не похожа на девушек, которых он знал.

Злата была на два года старше него, и отличалась сдержанностью и умом. Она окончила бакалавриат венского университета по профессии менеджмент, в отличие от Гришки, за плечами которого была лишь театральная школа. Он чувствовал её опыт и превосходство в образовании, ему нрави-

лось её европейское отношение к жизни. Злата была незыблемым авторитетом для него, он беспрекословно слушался её, и та умело пользовалась этим.

Их отношения подогревались расстоянием Москва – Вена, они поочерёдно ездили друг к другу в гости, а потом, сильно переживали вынужденную разлуку. Злата заменила для него все его окружение, даже близких родственников. «Она – это моя семья», подписывал Гриша под её фото в инстаграм, ставя в недоумение всех своих многочисленных подписчиков. Ему казалось, что это – любовь на всю жизнь и их брак в последующем, стал объективным (финалом) продолжением этих отношений.

Теперь он смотрел на жену остывшим взглядом. Смотрел на эту женщину, образ которой не менялся никогда – ни на работе, ни в магазине, ни дома. Эти голубые холодные глаза, некогда сводившие его с ума, одинаковое их выражение во всех ситуациях, эти вечные джинсы, майки, худощавое лицо с пробивающимися носогубными бороздами, без грамма косметики на все случаи жизни, и неизменный хвостик на голове. Ему стало муторно, в груди что-то сильно саднило, а в голове звучало одно лишь слово «Ошибка!»

Ничего не говоря, он направился в спальню и рухнул на кровать.

2

Наутро, отправившись на работу, и взвесив всю свою жизнь, Григорий решил взяться за ум. Он внимательно сле-

дил за женой, собиравшей ему завтрак с привычным отрешённым выражением лица, словно и не было у них вчерашней размолвки, и испытывал стыд за себя. Злата была хорошей матерью и женой. Ради детей, она отказалась от карьеры и решила первые годы растить их сама. Это было так не по-европейски, не по-австрийски с ее стороны. Злате не нужно было многого, она хотела лишь обычного женского счастья. Она не ловила звёзд с неба, она просто жила, как миллионы других, со своими радостями и печальями. Но, Гришу этот сытый штиль семейных отношений перестал устраивать.

Он отогнал эту мысль прочь.

Весь день Гриша держался, как мог, не давая себе опять захандрить, и даже позвонил жене в перерыв. Пообещав ей вернуться с работы пораньше, он, все же, не удержался и зашёл выпить пива в паб.

Заказав себе привычную литровую кружку, он устало оперся о стойку бара. К нему подсел завсегда́тай паба, его давний знакомый, тоже русский эмигрант. Гриша хорошо знал его, но постоянно путал имя. Они поздоровались и уставились на плоский плазменный экран телевизора, вещающий о чём-то, среди убаюкивающего рокота голосов пьющих и жующих посетителей.

По телевизору транслировалась программа из мира моды, – гламурная жизнь моделей, дизайнеров, бесконечные дефиле и фотосессии. Гриша отрешённо смотрел на эту мер-

цающую, словно камень Сваровского, фальшивую жизнь, но мысли опять унесли его прочь от всей этой мишуры.

Думая о своём, он отдалённо слышал голос своего знакомого, о чем-то рассказывавшего. Усилием воли он заставил себя сосредоточиться, чтобы как-то поддержать беседу.

– Представляешь, и кто-то держит её за руку, кто-то же дотрагивается до неё, целует и даже спит с ней... Богиня... Это какую карму надо заслужить, чтобы дышать с этой женщиной просто одним воздухом...! – рассказывал приятель, заморожено уставившись в телевизор.

– А... да, ты прав, – ответил Гриша, мимоходом взглянув на экран, и тут же, лишился дара речи.

Так некстати, так не в обстановку, среди суеты обычного венского паба, на экране плазмы, закреплённой к барному шкафу, он увидел Её... Все поплыло перед его глазами, покрылось туманом, и только её лицо выделялось из этой дымки, словно чудный портрет художника гиперреалиста.

Это была реклама известного французского парфюмерного бренда, официальным лицом которого она стала. Это означало, что Чайяна начала свое покорение мира. Конечно, такую красоту невозможно было не заметить, и чуткие носы западных рекламных компаний сразу распознали потенциал молодой русской актрисы.

Он упёрся в экран и не мог оторвать глаз. Как же она была прекрасна в этом ролике! Безупречный макияж милого лица с самыми очаровательными глазами на свете, пуши-

стые длинные волосы, развевающиеся на ветру, восхитительное вечернее платье, подчёркивающее все прелести – пышную грудь и округлые бедра, чувственные пухлые губы, что-то шепчущие по-французски, да в придачу, красивое музыкальное сопровождение и съёмки... Все это создало атмосферу ирреального другого мира, мира красоты и совершенства, королевой которого была Чайна...

Многие мужчины в баре, заметив рекламу и девушку в ней, тоже приутихли, и впёрлись глазами в сияющий экран.

Гришин знакомый продолжал что-то говорить и восторгаться. Григорий не слышал его, только некоторые слова доходили до его сознания и эхом отзывались в голове: «Богиня...» «Она просто нереально красива...» «Господи, дотронуться бы до неё и умереть...»

У Гриши застучало в висках. Все остальное не имело уже значения, провалившись в тартарары. Перед ним стоял её образ. Он не хотел его отгонять. Он опять сдался, не смог противостоять этой волне, накрывшей его. Хотел, но не смог. Слишком силен был её магнит, слишком остры воспоминания, которые он никогда не сотрёт из своей памяти. Ему стало невероятно больно, в груди все сжалось. Он огляделся по сторонам. Посмотрел на мужчин, что сидели, разинув рты. Он знал их мысли, знал их чувства и желания. Но они не ведали, что то, о чём они грезили, глядя на эту сказочную инопланетную женщину – все это было когда-то в руках у Гриши! И от этого становилось ещё больнее.

Не всегда Гришка был эмигрантом, никому не известным водителем венского такси. Несколько лет назад, он мог бы завоевать мир, ну если не мир, то Россию и прилегающие территории точно. Был Гришка – Григорием Шаховым – перспективным молодым актёром, талантищем и красавцем, первым парнем не только на курсе, но и во всем театральном училище.

Статный, чернобровый, темноволосый, кареглазый Григорий Шахов, похититель сердец многих девушек – мог бы с лёгкостью справиться и с ролью своего тёзки – Григория Мелехова (что и прочили ему критики в будущем), и «умыть» героя Эдмона Дантеса, безупречно сыграв его. Он мог бы быть сейчас рядом с ней... с Чайной. Это было его настоящее место, а не здесь, в этом пабе, посреди холодной чужой Вены.

Он заказал себе бутылку текилы и отчаянно напился, забыв о Злате, о детях, о себе...

3

Когда девятнадцатилетний Гриша Шахов, начинающий актёр и студент театрального училища услышал о кастинге на новый многосерийный проект, он решил для себя, что не упустит эту возможность. Он побежал к старшему брату, Степану Шахову, уже довольно состоявшемуся молодому режиссёру, которого неплохо знали в кинотусовке. Степан не обещал прямого содействия, но постарался привлечь к Гри-

ше внимание кастинг-менеджера.

Между Григорием и Степаном были странные отношения, они любили друг друга, но Степан сразу дал понять младшему брату, что в работе нет родственных связей. Степан довольно успешно строил свою карьеру и очень заботился о репутации.

«Это твой выбор, ты сам поступил в театральное училище. А значит, крутись! Заводи знакомства, ходи на кастинги. Подыми свою задницу, и бегай по пробам. Тебя в дверь, а ты в окно! Только так! Профессия актёра не терпит лени и не знает гордости!» – были его слова. Гриша запомнил их, но и понял, что особо полагаться на Степана не стоит.

Степан все-таки поговорил со специалистом по кастингу и Гришу пригласили на пробы. Он сразу поразил всех яркой внешностью и фактурой. Его манера игры была естественна и легка. Это свойство молодого актёра подкупило режиссёров. Гришу приняли в команду. «Ты будешь задействован в этом проекте», – сказал режиссёр. «Только вот не знаю, в какой роли, так как сценарий ещё находится в разработке, но твой герой будет не последний, обещаю тебе!» – обнадёжил он Гришу.

Григорий был вне себя от радости, ведь до этого ему доставались только незначительные эпизодические роли. Гриша поблагодарил брата за помощь и стал ждать окончательного результата.

Через пару месяцев, Гришу проинформировали о роли и

выслали сценарий. Прочитав его, он растаял в восторге. По всей видимости, намечался мега-проект главного федерального канала. Проект предполагался длиться два-три года, в зависимости от рейтингов. Над ним уже трудилась команда из сценаристов, режиссёров, художников, композиторов и прочее. Рабочее название проекта, так и осталось, в итоге, окончательным.

Сериал назывался «Марюткина доля». Он описывал время до революции 1917 года. Действие происходило в одной из деревень московской губернии. Был интересен и сюжет, повествующий о девочке из бедной крестьянской семьи, которая была отдана в услужение богатой семье сельских помещиков. Хоть крепостное право было уже отменено, но на судьбу девочки это никак не повлияло. Родные избавились от неё в счёт списания долга. Девочка попадает в фактическое рабство со всеми сопутствующими коллизиями. По сюжету, тринадцатилетней Марютке – главной героине, предстояло испытать много горя, несправедливости и лишений.

Григорию достался образ главного негативного героя, сына – главы помещичьего дома – избалованного, жестокого и циничного молодого человека. Он и становится главным кошмаром маленькой Марютки. Сначала Николай вроде проявляет участие к судьбе девочки, но потом, откровенно издевается над ней, считает её рабыней, домашней утварью. Чтобы укрепить право обладания ею, он насилует девочку. Семья узнает об этом, но все проходит безнаказанно.

Николашка был не только проблемой Марютки, он причинял много бед и своей семье. Глупый, амбициозный дебошир, он постоянно ставит родных под удар. Враги этой семьи используют историю с Марюткой как средство для шантажа и грозятся обнародовать эту проблему. Опасаясь мести среди селян, семья помещиков решает женить Николая на девочке. Так, он становится её мужем. Мнение Марютки никто не спрашивает, но с замужеством, жизнь её стала ещё тяжелее. Муж – жестокий деспот, его семья, постоянно унижавшая её, украденное детство и отсутствие надежд на будущее. Такой была её жизнь. Такой была её доля.

Григория не смутил откровенно злостный образ своего персонажа, наоборот, он был счастлив воплотить его со всей присущей ему экспрессией и натурализмом.

Большое количество актёров, задействованных в этом интересном проекте, были уже утверждены, загадкой оставалась лишь героиня самой Марютки. На роль пробовалось много актрис от 11 до 20 лет, но выбор продюсеров и режиссёров пал на юную модель Чаяну Шеманку.

Несмотря на очень молодой возраст – тринадцать лет, Чаяна имела большой опыт в кино. Уже с пяти лет, она принимала участие в телевизионных проектах и фильмах. Кроме этого, она активно снималась в рекламе. Григорий видел её несколько раз, но не придавал особого значения этой девочке с внешностью куклы.

В первый день съёмок, команда ожидала прихода главной героини. На площадке Чайяна появилась в сопровождении своей матери, как обычно, которая была её агентом и менеджером. Она вела себя, как настоящая звезда, что очень забавило съёмочную группу. Чайяна была очень коммуникабельна и дружелюбна. Она знала, какое впечатление производит на людей и старалась использовать это в своё благо.

В детстве Чайяна была прехорошенькой куколкой, а в отрочестве стала красивой девочкой с длинными пушистыми волосами, правильными чертами лица, и, обрамлёнными длинными темными ресницами, крупными глазами,— цвет которых, в зависимости от света, менялся от серого до насыщенно голубого. Она довольно быстро завоевала любовь коллег по цеху своей непосредственностью и доброжелательностью. Вскоре, Чайяна стала всеобщей любимицей. За ее спиной, люди шептались, что эта маленькая игривая кокетка через несколько лет станет настоящей секс-бомбой, редкой красавицей – мечтой многих мужчин. За длинные волосы, что стали, увы, редкостью среди современных девушек, её прозвали Русалочкой.

С Гришей Чайяна-Русалка быстро нашла общий язык. «Я буду большой артисткой!» – делилась она с ним, важно выпячивая нижнюю губу. Потом, видя его умильную улыбку, добавляла: «Ну правда ведь, я кроме, как играть в кино, ничего не умею и не хочу». «Конечно станешь! Только в школе отучись сначала», – подбадривал её, совсем по-братски, Гри-

ша. Его слова Чайянка воспринимала всегда серьёзно. «Обязательно, отучусь и поступлю, как ты, в театральное училище. А может и сразу во ВГИК!» – мечтала она. «Поступишь поступишь... Провалишься и потом ещё раз поступишь!» – издевался он над ней. «Дурашка ты...», – обижалась Чайяна и отворачивалась от него. «Дурашка ты, и муж из тебя дурацкий!» – огрызалась она, как будто желая его обидеть. В такие моменты Гришу пробирало на громкий смех.

Наконец, запустились пилотные серии. Публика сразу проявила интерес к сериалу с необычным сюжетом, зрители сильно переживали за судьбу маленькой Марютки. Букмекеры показывали хорошие рейтинги, что вдохновило команду снимать больше и придумывать изощрённые сюжетные изыски.

Дни съёмок проходили, словно в приятной дымке сбывшихся мечтаний. Собралась сплочённая команда, все понимали друг друга с полуслова. Гриша парил на седьмом небе от счастья. За каких-то несколько месяцев они с Чайяной стали одной из самых перспективных кино-пар. Несмотря на то, что Николашка был злодеем и подонком, зрители испытывали симпатию к молодому красивому актёру, и его инстаграм просто взорвало от наплыва поклонников.

Чаяна-Русалка стала настоящей сенсацией и обзавелась огромным количеством фанатов со всего мира. Трудно было пропустить мимо внимания невероятно красивую девочку с

внешностью ожившей героини диснеевского мультфильма. Кроме того, зрителей восхищала её харизма, по-настоящему, профессионализм актрисы, несмотря на юный возраст.

Гриша оброс разными друзьями и поклонниками, ему, конечно, нравилось повышенное внимание девушек к себе. У него никогда ещё не было серьёзных отношений, и он, как все парни своего возраста, был открыт для любви.

По мере развития сюжета, когда герои Григория и Мариютки стали мужем и женой, хоть и бил Николашка свою юную жену и издевался над ней по-всякому, фанаты сериала стали транслировать образы героев, на самих актёров. Впервые, люди заговорили о закадровых отношениях Гриши и Чайны.

Чаяна, кажется, не замечала этих разговоров и сплетен, она была ещё слишком молода, и полностью посвящала себя работе. Она очень тепло относилась к Грише, даже где-то привязалась к нему. Её привязанность многие скидывали на детскую непосредственность, на стремление искать поддержки у старших ребят, и, просто, на добрый и лёгкий нрав Чайники.

Гриша тоже искренне полюбил свою юную партнёршу, но его расположенность к ней носила лишь дружеский характер, он стремился по-братски поддерживать её, защищать, если надо.

Ему нравилось проводить с ней время. Он часто подтрунивал над ней. Его ужасно забавляли её надутые губки и рас-

красневшееся от возмущения личико. Потом, он делал романтический взгляд и говорил: «Чаянка, ты самая красивая девчонка на свете! Ох, бедные твои будущие парни!» От такой похвалы вся обида у Чаянки – Русалки улетучивалась в миг, и она одаривала его сияющей улыбкой. «Эй, дурашка, ты же знаешь, парни меня не интересуют!» – парировала она шуточно.

Но, на намёки на их романтические отношения, Гриша недоумевал: «Вы что! Она же ещё маленькая! Я похож на педофила?!»

Ситуация вокруг него и Чаяны сначала забавила его, но потом, стала немного напрягать. Григорий показывал всем своим видом и поведением, что с этой девочкой, – его экранной женой, их ничего, кроме дружбы, не связывает.

Несмотря на это, они проводили много времени вместе, – сначала воплощали своих героев на съёмочной площадке, потом, вне съёмок, развлекались, как положено молодёжи. Они вместе ходили на мероприятия, концерты, встречи, презентации. Они регулярно появлялись вместе в эфире различных программ, подогревая ещё больше интерес публики к себе.

В интернете была масса их совместных фото в процессе работы, и на отдыхе. Они действительно были похожи на очень близких друзей, или даже, на родственников. На своих страницах в соцсетях, они часто называли друг друга «брательником», «сестрёнкой», «дружочком» и прочими

эпитетами, подтверждающими их крепкую дружбу, но не любовные отношения. «Наконец-то дождалась Бро у себя в гостях» – подписывала Чайна под очередным их совместным фото, на что Гриша сразу отвечал: «Я тоже скучаю по тебе, маленькая девочка из моря!»

Явная их манифестация дружбы, а не отношений не смущала фанатов. В сети появились целые Фан-движения и группы поклонников их пары. Они прозвали тандем своих любимцев «Грияна», или «Русалка и Принц», намекая на тайное прозвище Чайны, которое уже давно стало достоянием общественности.

5

Так, шло время. Были отсняты два сезона сериала «Марюткина доля» и дело близилось к концу. Эх, чего только не натерпелась Марютка за эти два года: и смерть близких, и беременность, и бесконечные побои мужа – Николашки, и вероломство близких друзей. Но все когда-то заканчивается, и финале, Марютка сбегает от мужа и примыкает к большевистской ячейке, бросая своего сына. Николашка спивается и погибает, а его семья разоряется. Хилая справедливость, но торжествует.

Зрителей, конечно, не устроил такой финал, ведь они до последнего ожидали романтического хэппи-энда. Но критики удостоили эту работу самыми высшими похвалами. Рейтинги зашкаливали, сериал закупали другие страны, пополняя число поклонников пары Чайна-Гигорий.

Чаяна выросла и превратилась в молодую девушку. Красота её стала насыщенней, её женственность стала проявляться все отчётливее. Гриша тоже возмужал и похорошел. Ажиотаж фанатов вокруг них не стихал. Все их поклонники ожидали развития их отношений, но они, по-прежнему оставались добрыми, старыми друзьями, «братом и сестрой», приятелями.

После ошеломительного успеха «Марюткиной доли» в жизни молодых актёров настало затишье. Григорий устроился в театр, а Чаянка заканчивала среднюю школу. Ей было уже пятнадцать, вокруг неё вились парни, её Инстаграм заполнили мужчины разных возрастов от десяти до пятидесяти лет. Все признавались ей в любви и, возможно, грезили о ней в своих холодных одиноких постелях. Но, Чаяна-Русалка была далека от всех страстей по ней. Казалось, она совсем не хотела покинуть своё безоблачное отрочество, поэтому она проводила время с подружками. Многие не понимали, как так может быть, что у такой красивой девушки не возникало желания построить отношения с каким-нибудь парнем, неужели сердце Чаяны совершенно свободно? Ведь девочки её возраста уже давно задумываются о любви. Но, весь круг общения Чаяны занимали её подружки, и самый важный человек в её жизни – мама.

* * * *

Её мать, Валентина, была простой женщиной нелёгкой судьбы, вышедшей замуж в девятнадцать лет, и, посвятив-

шей всю свою жизнь мужу, а потом детям. Валя была наивной девушкой, которая влюбилась в заезжего красавца – гуцула из Львова по имени Радмир Шеманко, голубоглазого натурального блондина.

Она потеряла себя в этих глазах, пошла за ним на край света, а точнее, переехала жить к нему и сразу «залетела» сыном Тарасом. Радмир оказался благородным парнем и женился на Вале. Валя вкалывала «как Савраска», забыв получить образование врача, о котором мечтала со школьной скамьи. А Радмир искал себя, работая художником-оформителем в местном клубе. Но, что-то не пошло в молодой семье. У них довольно быстро начался разлад. Валя любила мужа и не хотела его терять. Но Радмиру было скучно и тоскливо. «Я задыхаюсь здесь!» – постоянно говорил он, чья душа требовала больше, чем просто Валины щи и плачь маленького Тарасика.

Так они и прожили, словно два разочаровавшихся в земных радостях, человека, десять лет. Когда Валя поняла, что не сможет больше удерживать мужа возле себя, она так же и осознала, что беременна. Как и предполагала женщина, это известие не принесло мира между ними. Радмир холодно выслушал новость о ребёнке и вышел из комнаты.

–Ты никогда не любил меня, только использовал! – кричала зарёванная Валя ему вслед.

После рождения Чайны (это имя Радмир сам подобрал

для дочки, что стало его своеобразным завещанием), он собрал вещи и ушёл в неизвестном направлении. Так Валя и осталась одна, страдающая, любящая, с двумя детьми на руках.

Она много работала, посвящая себя детям. Днём она была кассиршей в магазине, а по вечерам, убиралась в офисах. Дети росли здоровыми и красивыми. Чайнка стала точной копией Радмира – маленькой золотоволосой куколкой, предметом восхищения всех окружающих – от медсестёр и врачей, до воспитателей в детсаду.

Были у Валентины и любовные связи, конечно. Женщиной она слыла видной, и многие мужчины хотели составить компанию сексапильной разведёнке. Но все эти связи оканчивались одинаково – мужчины не желали взваливать на себя ношу из одинокой бабы и двоих детей. Так, помыкавшись и натерпевшись, Валентина решила поставить на себе крест и жить только для своих «сокровищ».

Тарас вырос в доброго трудолюбивого юношу, который всеми силами старался помочь матери. Валя не могла оплатить ему образование в институте, и Тарас пошёл учиться на механика. Вернувшись с армии, он объявил матери, что намерен иммигрировать в США. Валя долго плакала ночами, но противиться сыну не стала. Она и так испытывала перед ним чувство вины.

–Мама, я здесь ничего не заработаю, и никогда ничего не добыю, только буду работать на чужих дядь. А там, я зара-

ботаю много денег и буду всегда помогать тебе – успокаивал Тарас мать.

Он уехал, нашёл себе женщину, и, женившись на ней, получил легальный статус. Тарас быстро встал на ноги и открыл автомастерскую. Он исполнил свою «Американскую мечту», став хорошим подспорьем для Валентины и подростковой сестрёнки.

Когда красота Чайны стала довольно заметной, Валентине посоветовали поводить девочку на кастинги моделей. С первого кастинга, её сразу заметили модельные агентства, Валентине ничего не осталось, как представлять официально интересы дочери при подписании контрактов. Так и вошла Чайна Шеманка в этот сияющий сказочный мир. Сначала она рекламировала детскую одежду и товары, а потом, потихоньку стали появляться предложения об участии в кино. Чайне было около шести лет, когда она снялась в главной роли в детской сказке. И пошло-поехало... Стала Чайна юной актрисой.

Лишившись мужа и отпустив сына на чужбину, Валентина увидела смысл всей своей жизни в дочери. Она хотела дать Чайне то, что отчаянно не хватало ей самой. Она желала для неё самой лучшей судьбы. Она смотрела на свою живую куколку и не могла наглядеться. Валя искренне верила, что Чайна заслуживает славы, счастья, богатства. И дала женщина себе клятву, что положит жизнь, чтобы все её чаяния испол-

нились.

Так, стала она для дочери и подругой, и агентом, и прислугой, и рабой. А Чайяна, в благодарность, дарила матери любовь и привязанность, и не представляла себе жизни без неё.

6

По мере взросления дочери, глядя в бездонные небесные глаза Чайянки, Валя задумывалась, что та, возможно, и что-то скрывает в делах сердечных. Ее подружки и сверстницы потихоньку обзаводились парнями, испытывая трепетный опыт первой чистой любви. Но, Чайяна, кажется, затерялась в мире детства, она говорила или о работе и карьере, или о школе и подругах. Хотя всегда, девочка делилась с матерью самыми потаёнными секретами. Романтические отношения додумывали Чайянины фанаты, уже «повенчав» ее с Гришей Шаховым, воспитанным молодым человеком, который был старше Чайяны на семь лет.

И Валя полюбила Гришу, который был частым гостем в ее доме. Она называла его «сынком», «малышом» и прочими материнскими эпитетами. Гриша не возражал. Ему нравилось приходить к ним в гости, отвлекаться от проблем и расслабляться, слушая весёлое щебетание Чайяны-Русалки, старшейся максимально развлечь дорогого гостя.

Наблюдая за этими молодыми красивыми ребятами, на глаза Валентины накатывались слезы умиления. «Тьфу на вас, тьфу, чтоб не сглазить!» – повторяла она. Валя отгоняла

прочь мысль об их возможных отношениях, думая, что «может быть, когда-нибудь, когда доченька немного подрастёт». Но, она ловила себя на том, что если бы Чайанка захотела, то Валя не стала бы противиться Грише, видя в нем достойного кандидата в перспективные зятья.

Поэтому, появление фотографии Златы на инстаграм странице Григория и подпись под ней: «Я с моей любовью», подействовало на Валу, как ушат холодной воды. «Когда он успел, бесёнок скороспелый?» – спрашивала она себя. Она внимательно наблюдала за реакцией Чайаны, но та, казалось, вообще пропустила это событие мимо своего внимания.

Тем временем, новоиспечённый молодой влюблённый закидал свою страницу фотографиями Златы, одаривая её нежными: «моя любовь», «моя жизнь», «мой ангел» и т.д., разочаровав добрую половину своих поклонников. В свою очередь, раздосадованные фаны парировали в комментариях: «Фу, Чайана в сто раз красивее!», «А как же Чайана?!», «Григорий и Чайана\ Русалка и Принц – навсегда!» и далее в том же духе. Но Гриша не обращал внимания на выкрики фанатов, и также, просил отчаявшуюся Злату не придавать значения мнению незнакомых людей. «Я люблю тебя больше жизни и это главное!» – успокаивал он девушку.

Вале пришлось принять столь важное изменение, случившееся в жизни её любимчика. Подавив в себе чисто материнскую ревность («а почему не Чайанка?»), Валентина поощ-

ряла Гришу, как могла, всячески расхваливая достоинства Златы.

Валя пыталась поговорить об этом с дочерью, но Чайнка всячески избегала разговора о Гришиной любви.

—Мама, он мой брательник, пусть делает, что хочет!» — говорила она, как бы, невзначай. А потом, задумчиво добавляла:

—Я не думаю, что это серьёзно... , ведь должен же он с кем-то спать». Ловя на себе пристальный взгляд матери, Чайна наигранно улыбалась.

Любовь Гриши и Златы была не безоблачной, и в моменты ссор, которые, казалось бы, ставили точку на их отношениях, Гриша приходил искать утешение у «мамы Вали». Чайнка тоже тепло принимала его, была весела и старалась отвлечь Гришу от грустных мыслей. Как заметила Валентина, слишком старалась, иногда.

Валя не без основания заметила, что, узнав, что у Гриши есть девушка, Чайна изменила свой стиль одежды. Её наряды стали женственнее, более откровенны и сексуальны. Все это она фиксировала в инстаграм, вводя в кураж своих поклонников, которые страстно признавались ей в любви. Но, пронаблюдав поведение Чайны, Валентина пришла к выводу, что дело не в Грише. Дело было в том, что, просто, её девочка становится взрослой, и ей начинает нравиться повышенное внимание со стороны мужчин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.